

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

неупокоенные
кости

Москва

УДК 821.111-312.4(71)

ББК 84(7Кан)-44

У13

Loreth Anne White

THE UNQUIET BONES

Text copyright © 2024 by Cheakamus House Publishing
All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating
with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis
Literary Agency

Перевод с английского *Владимира Гришечкина*

Иллюстрация на переплете *Anastasии Ивановой*

Уайт, Лорет Энн.

У13 Неупокоенные кости / Лорет Энн Уайт ; [перевод с английского В. Гришечкина]. – Москва : Эксмо, 2025. – 400 с.

ISBN 978-5-04-193180-3 (Высшая лига детектива. Романы Лорет Энн Уайт)

ISBN 978-5-04-218363-8 (Высшая лига детектива. Романы Лорет Энн Уайт (пocket с клапанами))

Под старой часовней в лесу находят человеческие кости, связанные с давним делом о пропаже молодой девушки. Детектив Джейн Манро, беременная и остро чувствующая ценность жизни, надеется, что это мрачное открытие наконец-то поможет семье девочки обрести истину.

Но для группы старых друзей, так называемой Шестерки из Шорбью, это грозит ужасающим разоблачением.

Сорок семь лет назад им было просто страшно; теперь, став состоятельными людьми и не ожидая, что темная глава их прошлого снова откроется, они боятся еще и потерять репутацию, близких и друзей.

УДК 821.111-312.4(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-193180-3 (Высшая лига детектива.
Романы Лорет Энн Уайт)

ISBN 978-5-04-218363-8 (Высшая лига детектива.
Романы Лорет Энн Уайт
(пocket с клапанами))

© Гришечкин В., перевод
на русский язык, 2025

© Издание на русском языке,
оформление. Издательство
«Эксмо», 2025

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: В романе затронуты темы, имеющие отношение к синдрому предков, что может показаться некоторым читателям достаточно травмирующим.

Посвящается маме.

Зло неприметно и человекоподобно.
Оно спит с нами в нашей постели и ест
за нашим столом.

У.Х. Оден

КТО-ТО ВСЕГДА ЗНАЕТ...

Эксгумация

Апрель, 2023

Падал бесконечный дождь. Братья Бенджамин и Рафаэль Дювалье работали на экскаваторе у подножия горы Хемлок — на берегу озера, тонувшего в густом промозглом тумане. Они пытались извлечь из земли остатки бетонного фундамента небольшой и довольно старой деревянной часовни, которая имела вид А-образного финского домика с крестом над острым коньком. Саму часовню, построенную много лет назад на территории лыжного курорта «Хемлок», предполагалось перенести выше по склону — ближе к вершине, чтобы освободить место под строительство новой гостиницы для туристов. Только-только начинало светать, и температура колебалась в районе нуля по Цельсию. Позади братьев карабкался по склону горы лес, между стволами темных пихт и елей вились белесые языки тумана. Сиденья лыжного подъемника неподвижно свисали с тросов, исчезавших в низких облаках.

Бенджамин несколько раз хлопнул перчаткой о перчатку, пытаясь восстановить кровообращение в замерзших руках. Этот влажный холод действовал на него гораздо сильнее, чем нормальный, честный мороз. Впрочем, его брату, сидевшему в кабине экскаватора, вряд ли было намного теплее, но он не жаловался. Бенджамин смотрел, как Рафаэль орудует рычагами, разворачивая кабину, чтобы вывалить из ковша бетонные обломки и мокрую землю в кузов самосвала. Под тяжестью новой порции грунта мощная машина слегка качнулась и просела на рессорах.

Тыльной стороной перчатки Бенджамин стер с лица дождевую воду и махнул рукой, показывая брату, где копать. Стрела экскаватора поплыла в воздухе в обратном направлении. Рафаэль потянул рычаг. Ковш опустился, острые зубья на его передней кромке вонзились в черную землю. Снова движение рычага — экскаватор набирал очередную порцию грунта.

Неожиданно зубцы ковша зацепили какой-то предмет, выдернули его из земли, и от нехорошего предчувствия у Бенджамина екнуло сердце. Он торопливо шагнул вперед, пытаясь рассмотреть, что же это такое.

— Эй, стоп! Стоп!!! — заорал он и, вскинув над головой руку, опустил ее резким движением. — Да стой же ты!!!

Рафаэль остановил стрелу. Выскочив из кабины, он побежал к брату, который, присев на корточки возле ковша, что-то рассматривал, подсвечивая себе фонариком. Подойдя ближе, Рафаэль увидел, что Бенджамин осторожно стряхивает землю с какого-то длинного и тонкого предмета, извлеченного ковшом на поверхность. Вот брат поднял голову, посмотрел на Рафаэля, и у того тоже часто забилось сердце.

Перед ними лежали на земле две больших коричневых кости. Они точно не принадлежали животному, потому что торчали из смятого голенища старого сапога. Женского сапога на давно вышедшей из моды танкетке...

ДЖЕЙН

Сержант Джейн Мунро с трудом заставила себя сосредоточиться на словах измощденной, худой блондинки, сидевшей напротив нее в церковном подвале вместе с другими участниками группы взаимной поддержки.

— ...Я устала, — говорила блондинка. — Смертельно устала. И эта усталость не проходит. Я чувствую ее постоянно, каждую минуту своей жизни...

Блондинку звали Стивени. Она была матерью... или уже *не* была? Как назвать женщину, чей ребенок исчез, пропал без следа?

— Подруги говорят, что мне нужно вернуться на работу, но я не могу.

Стивени стиснула в руке измятый платок. Выглядела она под стать своему голосу — хриплому, чуть слышному, надломленному. Глаза ее покраснели, веки опухли от слез. Да, такова главная особенность всех групп поддержки: на их собраниях много и охотно плачут.

Джейн это только напрягало. Она была полицейским, и не просто полицейским, а опытным полицейским, ветераном отдела по расследованию убийств. Всю свою жизнь она учились *не* плакать, во всяком случае — не на людях, и сейчас ее тело и разум восставали против обстановки этого сырого (во всех смыслах) подвала. Хотя она и сочувствовала Стивени, ей не хотелось из-за этого терять контроль над собственными эмоциями. Джейн не могла позволить себе сломаться. Нельзя поддаться горю. Если это случится, все, что сейчас у нее внутри, выплеснется наружу, и тогда... В общем, она не была уверена, что ей удастся снова спрятать свое горе от чужих глаз.

— ...Я даже боюсь куда-то уходить, потому что каждый раз думаю: вдруг Джейсон вернется, а меня не будет дома? — проговорила Стивени, громко хлюпая носом. — И он не будет знать, где меня найти!

Она шумно высыпалась в свой мокрый, мятый носовой платок, который комкала в руках. Остальные члены группы забормотали что-то неразборчивое, очевидно, в знак согласия.

Насколько Джейн успела узнать, Джейсоном звали восьмилетнего сына Стивени. Он бесследно исчез четырнадцать месяцев назад, исчез среди бела дня, и с тех пор о нем не поступало никаких известий.

Если не считать Джейн, их было семеро — семь женщин и мужчин, объединенных общей бедой, которые сидели на расставленных полукругом оранжевых пластмассовых стульях лицом к психологу-волонтеру. Собиралась группа раз в неделю в помещении общественного клуба, действовавшего под эгидой церкви Богоматери залива. Снаружи шел холодный весенний дождь, низкое небо затягивали сплошные черно-серые облака, но в церковном подвале, под из-

лишне яркими флуоресцентными лампами офисного вида, было жарко и душно, а в спертом воздухе витали запахи прогорклого кофе и пережаренных пончиков. Участники группы поддержки отличались друг от друга и по возрасту, и по жизненному опыту, но их объединяло то особого рода горе, которое охватывает человека, чьи близкие и любимые пропадают без вести. Не умирают — просто пропадают.

Только недавно они жили рядом, вели совершенно обычную жизнь и вдруг в одно мгновение исчезли, словно их и не было на свете. Исчезли, но оставили после себя живую, пульсирующую пустоту, которая никак не заполняется. И она болит. Болит постоянно и не дает жить. Неизвестность — это не ад, это гораздо хуже. Ожидание, не имеющее конца, предела, конечной точки. Большинство людей, которые подобного не испытывали, просто не могут понять, каково это — ждать и ждать, не имея почти никакой надежды.

— Я хорошо вас понимаю.

Это сказал мужчина, сидевший справа от Стивени. Его звали Кристофер — делясь всем, что считали возможным высказать вслух, члены группы обращались друг к другу только по именам, без фамилий. Джейн, однако, испытывала с этим определенные трудности. Она не просто стеснялась делиться своими сокровенными переживаниями с совершенно посторонними людьми; ей была не по душе сама идея, хотя остальным группа поддержки, возможно, чем-то помогала.

Взять того же Кристофера... Строитель или дорожный рабочий, он носил плотные джинсы, а его грубые башмаки со стальным подносом были испачканы в глине. Огромные руки представляли собой настоящую коллекцию шрамов и ссадин самых разных размеров и форм. Как и Джейн, Кристофер, вероятно, пришел на занятие группы в свой обеденный перерыв. Несколько ранее он упомянул, что ему исполнилось пятьдесят пять, но выглядел он лет на десять старше. Два года назад его восемнадцатилетняя дочь отправилась с друзьями в ночной клуб в центре города и больше не вернулась домой. Ни Кристофер, ни его жена не знали, что с ней случилось. В конце концов они развелись. Как и Стивени.

Как и многие другие участники группы. Бесплодное и безнадежное ожидание не может не сказываться на семейной жизни. Оно раскалывает даже самые прочные семьи. Разрывает дружеские связи. Убивает доверие. Мешает работе. Мешает ощущать себя личностью.

В том, что горе мешает работе, Джейн убедилась на собственном опыте. После недавнего инцидента на службе, в результате которого едва не развалилось нашумевшее дело об убийстве, ее временно перевели в «отдел специальных расследований» — полицейское подразделение, состоящее по сути из нее одной, — где ей предстояло заниматься давними висячками. Поначалу шеф и вовсе хотел отправить Джейн в длительный отпуск и даже предлагал ей уйти в декрет пораньше, но она не согласилась. Ее охватывал ужас при мысли о том, что придется торчать дома совершенно одной, наедине с собственными мыслями. Джейн *нуждалась* в работе, чтобы не сойти с ума, и в конце концов шеф пошел ей навстречу, хотя и настоял на курсе психологических консультаций. Вот так она и оказалась в душном церковном подвале — сидела на неудобном оранжевом стуле и слушала Стивени, Кристофера и других людей, которые так и не сумели ничего решить для себя и вряд ли сумеют помочь ей.

— ...Мне кажется, я не могу даже горевать как следует! — говорил Кристофер. — Потому что горе — это как капитуляция, как предательство. Ты сдался, поднял белый флаг, а весь мир движется дальше, но уже без тебя.

Он посмотрел на свои изуродованные руки и тихо добавил:

— Порой я чувствую себя как плевок зубной пасты, который прилип к раковине. Прилип, присох и никак не смыывается в канализацию.

Джейн невольно сглотнула. Она хорошо знала статистику и понимала: шансы Кристофера снова увидеть свою дочь живой практически равны нулю. Ему и его бывшей жене крупно повезет, если где-нибудь когда-нибудь случайно найдут кости их ребенка. Только в этом случае можно будет попрощаться с ней как положено, похоронив останки или предав их кремации. То же самое относилось к Стивени и ее малень-

кому сыну, да и ко всем остальным... Глаза Джейн внезапно защипало, и она машинально повернулась к подвальному окну в поисках выхода. Глядя на грязное, в потоках дождя стекло, Джейн крепко сжала кулаки, изо всех сил стараясь не заплакать. «Держись, — твердила она себе. — Держись и терпи. И не ляпни какую-нибудь глупость. Не реви. Злись. Злись изо всех сил. Это проще. Это поможет победить боль».

— ...Я только хочу знать, что случилось с моим ребенком. Только это! Пусть даже он никогда не вернется ко мне, я хочу знать... — Стивени в очередной раз вытерла нос своим насквозь мокрым платком.

«Да выкинь ты к черту эту свою сопливую тряпку!» — неожиданно подумала Джейн, чувствуя, как у нее поднимается давление. На столике перед Стивени лежит целая пачка «Клинекса» — что ей мешает взять чистую салфетку? Она что, их не видит? Почему так цепляется за свой платок?.. Над верхней губой Джейн простила испарина, в груди шевельнулась паника. Казалось, у нее вот-вот начнется приступ клаустрофобии — совсем как у человека, которого собираются похоронить заживо. Никогда, никогда она не сможет вырваться из этого душного подвала, никогда не избавится от вони прогорклого кофе, от этих жалких людей...

— ...завершение, — произнес еще кто-то. — Нам всем нужно завершение, катарсис. Либо мы должны оплакать наших близких как полагается, либо пусть они вернутся домой.

Стивени кивнула и попыталась развернуть свой измятый платок. Психолог наклонилась вперед и придвинула к ней поближе коробку с «Клинексом». Слава богу, Стивени протянула руку и взяла чистую салфетку.

— В подобной ситуации крайняя физическая и психологическая усталость совершенно нормальны, — сказала психолог. — Когда близкий человек исчезает физически или, как бывает при болезни Альцгеймера, психологически, это очень тяжелая потеря, которая приводит к сильному стрессу. Вопросы без ответов. Неизвестность. Неопределенность. Отсутствие финала, конечной точки. Все это вызывает психическую реакцию, сходную с посттравматическим стрессовым расстройством. И вы абсолютно правы: общество в целом

не всегда способно правильно оценить всю глубину ваших страданий. Как вы все отметили, мир движется дальше, тогда как вы не способны двигаться вместе с ним, что порождает чувство несовместимости и изоляции. Именно поэтому такие группы, как наша, очень важны. Делиться... сопереживать... сочувствовать... знать, что ты не одинок. Ощущать себя членом тесного сообщества людей, способных понять, что ты испытываешь. Необходимо знать и другое — то, что случилось с каждым из вас, имеет свое специфическое название. В психологии это называется «неоднозначная потеря» или «неопределенное горе»...

Психолог посмотрела на Джейн.

— Может, кто-то еще хотел бы высказаться?

Джейн опустила взгляд и уставилась на собственные колени. Она почувствовала, как вспыхнули уши, когда внимание группы переключилось на нее.

— Может быть, вы, Джейн?.. — спросила психолог.

Джейн слегка откашлялась, но продолжала рассматривать собственные колени.

— Джейн?..

Она резко вскинула голову.

— Послушайте, мы все хорошо знаем статистику. В нашей провинции самое высокое количество без вести пропавших людей на душу населения. В одной только Британской Колумбии ежегодно пропадает около тринадцати тысяч взрослых и почти пять тысяч детей. И, как показывает практика, большинство пропавших никогда...

— Джейн!.. — На этот раз в голосе психолога послышались резкие предостерегающие нотки. — Быть может, вы лучше начнете с того, что привело вас в группу?

— Нет. Я... Все в порядке. Спасибо, я...

Вся группа продолжала смотреть на нее, но Джейн молчала.

С самого начала она собиралась посетить только одно собрание — и ничего не говорить. Но вот она не удержалась, открыла свой чертов рот, и эмоции тотчас рванули к выходу. У нее аж нос заложило от подступающих слез, а гортань словно свело судорогой — такие невероятные усилия она

прилагала, чтобы сдержаться, чтобы промолчать. Ведь стоит ей только произнести имя Мэтта вслух, и она утонет в слезах, превратится в насквозь промокшую, измятую тряпку наподобие платка Стивени.

Она медленно, глубоко вздохнула и сказала очень спокойно и тихо:

— Я еще не готова.

— Мы понимаем. Все в порядке, — сказала психолог. — Это естественно.

Худощавый, хорошо одетый темноволосый мужчина, сидевший справа от Джейн, слегка наклонился вперед. Взгляд, которым он ее окинул, был мягким, сочувственным и одновременно властным. Подобную властность Джейн знала и за собой.

— Мне тоже понадобилось время, прежде чем я нашел в себе силы заговорить о своей потере вслух, — начал он. — С тех пор как бесследно исчезла моя жена, прошло уже четырнадцать месяцев, но я по-прежнему покупаю продукты на нее. Постоянно ищу ее в толпе. Иногда мне кажется, что я видел ее в поезде надземки, и мое сердце сразу начинает биться быстрее, хотя мозг подсказывает: это не она, не может быть она. Я вздрагиваю каждый раз, когда звонит мой мобильник и... — Он глубоко вздохнул. — И я постоянно злюсь. Очень быстро закипаю и вымешиваю раздражение на всех, кто хочет мне просто помочь. Мне кажется, ни один из этих людей не в состоянии сказать правильные слова...

Мужчина сделал небольшую паузу и добавил:

— ...потому что таких слов просто не может быть.

— Завершение, — пробормотала Стивени. — Нам всем нужно завершение. Определенность.

«Мне не нужна твоя определенность, — раздраженно подумала Джейн. — Я хочу найти Мэтта. Найти живым. Он не умер, это просто невозможно. Я не сдамся, я буду искать и найду, потому что сердце мне подсказывает: он не мертв».

— Нам всем необходимо иметь в виду, — подала голос психолог, — что в контексте неопределенной потери такая вещь, как завершение, — миф. Очень легко поддаться давлению общества, которое требует от нас именно этого — до-

стичь завершения, катарсиса и вернуться к обычной жизни. Этого требуют от нас средства массовой информации, этот шаблон активно навязывают фильмы и книги, отголоски этого требования звучат в обращенных к нам словах родственников и друзей. Мы живем в обществе, которое высоко ценит решенные проблемы, найденные разгадки, преодоленные трудности, причем особое значение придается также скорости этого преодоления. Но когда общество сталкивается с проблемой исчезновения людей, она вызывает своеобразный разрыв шаблона. Большинство просто не представляет, как следует обращаться с теми, чьи близкие пропали без вести, как вести себя в ситуациях, которые попросту не имеют решения. Нет, друзья, стремление к завершению под давлением извне, поиск завершения ради завершения является с нашей стороны серьезной ошибкой, — предупредила психолог. — На самом деле нам нужно научиться существовать с нашими сложными чувствами и никогда не забывать, что подобные реакции абсолютно нормальны и естественны.

Она снова посмотрела на Джейн.

— И, уж конечно, они не являются признаками личной слабости.

Джейн подумала, что психолог ей скорее не нравится. Не нравятся ее заумные теории. Сама она была по характеру человеком действия: решала проблемы, находила ответы на вопросы, ловила плохих парней, закрывала дела и отправляла виновных за решетку. Видела в теориях инструмент, а не лекарство.

В кармане Джейн завибрировал телефон, поставленный на беззвучный режим. Сначала она не хотела брать трубку. Одно из правил участия в группе поддержки гласило: никаких телефонов во время собрания. Но он все звонил и звонил, обещая избавление. Приоткрыв клапан кармана блейзера, Джейн мельком взглянула на экран и почувствовала, как сердце забилось чаще. Это был не звонок, а сообщение от шефа.

«Перезвони. Обнаружены человеческие останки. Старые. Не исключена смерть при подозрительных обстоятельствах».